

Марья Искусница

рассказывает сказки

Приложение к газете «Земля Обетованная»

ВЫПУСК 1 1999г.

“Боящийся мудрости — это раб гордыни” Виссарион

Целебные сказки

Будьте, как дети, — сказано в Библии.

“Мечтайте, фантазируйте, развивайте своё воображение”, — говорит Виссарион.

Именно сказки позволяют наполнять внутренний мир человека тем, что трудно найти в реальности. Позволяют душе обрести необходимое, постичь житейскую мудрость; помогают нам понять и обрести самих себя и подсказывают, как это сделать. Такова целебная сила сказок.

Сказки поистине исЦЕЛяют нас, т.е. помогают нам возвратиться к ЦЕЛОму: Богу и Природе-Матушке.

Для древних славян слово “сказка” означало: *быль, правда* в отличие от слова “басня” — *неправда, ложь*.

Восстанавливая утерянный смысл слова “СКАЗ-КА” (“КА” обозначает, согласно верованиям древних египтян, высшую частицу человеческой души), начинаешь ещё глубже понимать, сколь сродни друг другу сказочное и божественное в нашей жизни.

“Послушаем-ка сказ о целебных сказках”. В переводе на праславянский это звучит так: “Послушаем, душа моя, сказ о том, что сами души сказывают, нас тем исцеляя”. Не подсказка ли здесь кроется нам, что только задушевные сказки могут быть по-настоящему целебными?

Сказочно-божественная мудрость самой жизни оживает в сказках Александра Сергеевича Пушкина, в его “преданиях старины глубокой”. Лукоморье волшебное... Буян-Остров манящий... Золотая Рыбка, мудро объясняющая суть исполнения желаний наших человеческих, пагубность корыстолюбия. И как гениально просто повествует каждая пушкинская сказка о самых важных для нас вещах...

Вот Маленький принц Антуана де Сент-Экзюпери. Он добр и мудр, и мил со всеми. Он внимателен и заботлив. Он любим всеми — и детьми, и взрослыми. “Самого главного глазами не увидишь”: искать надо всегда сердцем; “быть в ответе за тех, кого приручаешь”, — всё это он понимает. А кругом всё не всегда так, поэтому — “странный народ эти взрослые”. Из многих взрослых для него не смешон лишь фонарщик, может быть, потому, что он думает не только о себе.

А помните Полианну из одноименной сказки Элионор Портер? Папа Полианны, бедный священник, постиг божественную мудрость, насчитав в Библии 860 радостных текстов, начинающихся со слов “Радуюсь, Боже!”, “Возрадуемся...”

или “Ликую, Господи”. Он и научил дочку играть в радость: видеть хорошее во всём, чтобы ни случилось... Оставшись сиротой, общительная и улыбающаяся Полианна принесла счастье многим, нуждающимся в участии, обитателям городка, куда она переехала жить. Думая больше о других, чем о себе, маленькая девочка старалась радостно переносить все, выпавшие на её долю, невзгоды и делилась игрой в радость с другими. И всё ей удавалось...

“Бесконечная книга” — сказочный подарок Михаэля Энде. Страсть к чтению привела мальчика Бастиана в страну Фантазию, нуждающуюся в исцелении, как и взаимосвязанный с ней мир Реальный. Преодолев страхи, стыд за себя, неуклюжего, неверие в самого себя, Бастиан спасает Фантазию...

Стране Фантазии по духу близка Нарния — плод воображения английского писателя-гуманиста и богослова Клайва Стейнпаза Льюиса. В волшебной стране, где течёт вполне реальная жизнь, дети делают всё сами: сами принимают решения, противостоят неправде, искренне помогают друг другу, постигают умение жить. Счастливые и довольные, окрепшие духом и радостные, дети возвращаются из Нарнии, становясь там мудрее и здоровее.

Есть ещё много простых и добрых сказок и притч. Есть или нет в них целительная сила — каждому самому надобно почувствовать, а Вино-Пух, Незнайка, Чебурашка в этом помогут.

Чайку по имени Джонатан Ливингстон так и не поняли её сородичи. Сотворённая фантазией Ричарда Баха, прекрасная птица сутками летала, взлетая всё выше, ради радости самого полёта. Она была вольна быть сама собой, осознав свою истинную сущность, и в других любила лучшее — их истинную сущность, трепетную душу — КА.

Сказ-КА... Чудесно, когда взрослые вновь начинают ощущать аромат сказок, аромат их душевной мудрости. Это хороший признак...

Марина Бобрин.
Фрагменты из эссе “Целебные сказки”
Можарка

“Один почтенный муж сказал мне: положим, что есть двенадцать бесчестных страстей; если произвольно возлюбишь одну из них, то есть гордость, то и одна сия наполнит место прочих одиннадцати”

Иоанн Лествичник

Человек и роза

Жил на свете человек. Жил себе и жил, но однажды вдруг обнаружил, что живёт он не один, что внутри у него — ещё очень много жителей. Стал он этих жителей считать, но никак не мог это сделать, так как кто-нибудь обязательно да отсутствовал в это время. Когда человек дождался пропавшего, тогда уходил кто-нибудь другой — и так он всё время сбивался со счёта.

Тогда человек решил поступить иначе. Стал он вспоминать о тех жителях, которым всегда рад и которых очень ждёт, и хочет, чтобы они вернулись; вспоминал он и о тех, которым никогда бы не открыл дверь, но они, к сожалению, всегда входили без спроса, незаметно, как медузки вливались, и в самый для него неподходящий момент.

Грусть со Слезами, например, всегда приходили парочкой, опустив глаза и как бы извиняясь. Человек не хотел их впускать, но они тихо и настойчиво поселялись в нём раз за разом.

Доброжелательность была почти постоянной жительницей у человека. Часто она приводила с собой и Нежность; и они, уютно расположившись у него, дружно жили, никому не мешая и ничего не требуя.

Требовательность же обычно влетала, широко распахнув двери и даже не постучавшись, отчего человек каждый раз вздрагивал, так как это было всегда неожиданно. С собой Требовательность неизменно тащила Обиду, хотя та и упиралась, и не очень-то хотела входить в дом, где жила Доброжелательность, с которой Обиде всегда было неуютно.

Но Доброжелательность была мягка и уступчива, никогда ничего места не занимала, и поэтому всегда смиренно уходила, уводя с собою Нежность. Человек в такие дни очень скучал, потому что дома становилось холодно и неуютно. И если до этого времени Грусти со Слезами не было, то как только Требовательность вместе с Обидой врываются в дом, — Грусть со Слезами тут же приходили за ними, не спрашивая хозяина.

Когда же человеку в своём доме совсем становилось неуютно жить вместе со своими непрошенными гостями, он отправлялся на поиски своих любимых жителей. Иногда он находил их сразу, как только подходил к речке или близлежащему озеру; иногда их приводил просто солнечный луч, пробивающийся сквозь деревья, а однажды — это был особенно грустный день — их привёл в дом простой мокрый

воробей, который, нахохлившись от холода и ветра, всё подлетал к нему, как бы ища защиты.

Человек устал от долгих и частых поисков своих друзей и стал думать о том, что надо предпринять, чтобы друзья в его доме остались бы навсегда, а те, кто врывается непрошенными в дом, никогда бы не могли в него войти.

Долго он думал, но так ничего и не придумав, отправился путешествовать, в надежде найти подсказку на стороне. Много стран он обошёл, много людей разных повстречал, но кому бы он ни рассказывал о своих желаниях, все пожимали плечами, качали головами и ничего не могли ему посоветовать.

Так дошёл он однажды до лесной избушки, где жила древняя-предревняя старушка. Узнав о печали человека, о его поисках, открыла старушка человеку одну мудрость: “Ты милосерд, не сумеешь сделать задуманного до тех пор, пока твои друзья не приведут в твой дом свою подругу, имя которой Любовь. Вот когда они втроем поселятся в твоём доме, сразу же сажай куст роз у дверей. Розы будут наполнять благоуханием твой дом, радовать глаза красотой, а шипы её никогда не дадут уйти друзьям, равно как и недруги не смогут проникнуть извне!”

Низко поклонился человек древней-предревней старушке и радостный отправился назад, в свою страну, где стал искать вместе с Доброжелательностью и Нежностью их подругу по имени Любовь. Долги были поиски. Ох, долги! За этот путь не раз врываются к нему разные непрошеные гости в сопровождении Грусти со Слезами. Но выпроводив их в очередной раз, человек вместе с Доброжелательностью и Нежностью вновь продолжал поиски.

И, наконец, в один прекрасный день Любовь была найдена. Трудно описать Любовь! Можно лишь сказать, что вместе с ней появились в доме человека Свет и Тепло, Уют и Радость, Счастье и Вера. И они навсегда поселились рядом с Доброжелательностью и Нежностью. И всем было хорошо.

Как и заповедала древняя старушка, найдя Любовь, посадил человек у дверей своих куст роз. И совсем не потому, что он боялся потерять вновь приобретённых друзей — ведь они сами дали согласие никогда его не покидать. И не потому, что боялся прихода непрошенных гостей, “медузок”, — ведь друзья его теперь и сами бы не позволили им войти в дом. Куст роз был посажен просто для Красоты, потому что и Любовь, и Нежность, и все их многочисленные друзья, как и человек, очень любили Красоту.

Размышления о “медузках”,

завоевавших нас и не желающих с нами расставаться

Особенно интересно таким медузкам общение друг с другом. А когда такое явно бывает? Когда мы все вместе собираемся. Тут-то они и стараются! Кто как может, но каждая из них — чтоб было ярче, поэффектнее. “Зачем мудрость чужую впитывать? — думает каждая медузка. — Моя-то мудрость мудрее!”

Приличные медузки, ещё хорошо, просят своих “хозяев” руку поднимать, ждать, когда слово дадут. Это — чтобы наилучшим образом выглядеть. А другие, развесёлые такие, считают, что им всё можно; и тогда их “подопечные” незаметно для самих себя начинают много-много говорить, других перебивать. Вот потеха получается!

А одна, хитрая такая медузка из этих удалых, уговорила свою “госпожу” заявить, что в ней самой медузки нет. То ль в пылу эмоций это произошло, то ли как, только потеха из потех и вышла...

Есть и такие чудные медузки, которые нашептывают своим “повелителям”, что им лучше отмолчаться, смущаясь своего несовершенства, и душу свою не раскрывать до времени точного триумфа.

А есть среди медузок мудрёные очень. Издавна они своим “хозяевам” наказывали, что всё равно их бесценное мнение все не поймут, а значит, лучше отсидеться молча с умным или гордым видом; или вообще никуда не ходить, пока общество в незрелости пребывает, до их уровня не поднялось.

Может и других медузок кто ещё узреет. Главное — их на Божий свет вытаскивать. Лучше — при горящей свече и песочных часах. Но, может быть, это моя медузка мне наилучшее решение нашептывает? Хотя, думаю, что нет: моей спокойнее, когда я отмалчиваюсь, опасаясь, что не ко времени, не к месту, да все и не поймут...

Марина Бобрик

“В устах глупого — бич гордости; уста же мудрых охраняют их” (Притч. 14:3)

О Мудрости и Глупости

реди многочисленных голубых озёр и сосен, совсем рядышком с Северным морем, живут люди весёлые и добрые, мудрые и терпеливые, талантливые и трудолюбивые. По Земле огромной о них легенды рассказывают, потому что люди эти никогда не знают ссор и обид.

Однажды пришёл в эту страну Странник из других земель. И долго он дивился жизни этих людей, а надивившись, отправился в свою страну и стал рассказывать там о стране дальней и о жителях её необычных. Собралось народу немало, чтобы послушать эти рассказы. Среди них оказалась и Глупость — примостилась она удобно на печке и слушает. Интересно ей: о чём это люди могут так долго и весело говорить. Из рассказа Странника она поняла, что в стране той далёкой, среди голубых озёр лежащей, никогда не появлялась Глупость. И даже сестры её родной никто не видывал и краем уха о ней не слыхивал. Подивилась этому Глупость, заволновалась: как же так? Ведь ни один ещё человек на свете не мог без неё прожить! И приняла она решение: немедленно отправиться в те далёкие края, что наполнены улыбками радостными да Мудростью светлой. Да вот беда, не знала она дороги туда. И стала вновь слушать собравшихся. Слушала, да думы свои думала.

А люди, тем временем, подивившись рассказам Странника, поохали, поахали, да стали в дорогу собираться, на страну ту дивную своими глазами взглянуть. Шло время, разговоры поутихли, а вместе с ними и желание идти в путь дальний поутихло: дома вон сколько дел безотлагательных, а в страну ту, что у моря Северного, идти не ближний свет.

Но сыскался один Молодец; и отложил он дела свои срочные, да и собрался в путь. Вызнала про всё это Глупость и стала думать: куда бы это ей, Глупости, спрятаться, чтобы стать незаметной и вместе с Молодцом попасть в ту страну дальнюю и увидеть людей тех диковинных, Глупостью не охваченных.

Недолгими были сборы Молодца, и легка была его котомка за плечами, разве что матушка на прощанье положила сыну любимому банку варенья вишневого, собственными руками изготовленного. Не долго думая, забралась Глупость в ту банку, да и примостилась среди вишеночек сладких, в тепле да мягкости.

Долго шёл Молодец, но Глупость носа не выказывала, и дорога его легко бежала по Земле-Матушке. И вот, наконец, прибыл он в страну у моря Северного, среди голубых озёр лежащую. Приветливо был встречен Молодец: сытно накормлен и на отдых в тепле да чистоте уложен.

А на следующий день много народу собралось в доме хозяина, что Молодца приветил. И стали все юношу слушать, вопросы разные задавать — о странах, им пройденных, да землях, им виденных. А потом и чайку решили попить. Выложили угощенья разные, из овощей, зерна да фруктов приготовленные. И Молодец на стол варенье-угощенье выставил. Кушают все варенье сладкое да нахваливают. А Глупость больше всех радуется. Улыбкой расплывается, по плотям новых обитателей растекается.

Но вот закончился вечер, и все разошлись по домам. И странные вещи с тех пор стали происходить с людьми этой страны — людьми добрыми, мудрыми да весёлыми. То среди неба ясного ссора меж ними вспыхнет, обидами да глупостью наполненная. То мысли глупые в головах поплывут. Ломают головы народ: что ж случилось с их весёлыми, добрыми и мудрыми сердцами? Думали-думали все и решили: это хворость какая-то на них напала, избавляться от неё немедленно надо, ибо скоро совсем она ум от работы уведёт, да руки в праздности оставит.

А Молодец тем временем по стране ходит и ничего такого диковинного в ней не находит. Всё как везде: Глупость с Мудростью переплетаются, а Смех со Слезами в обнимку ходят. Ничего юноша понять не может: в ту ли он страну попал, о которой ему сказывали?

А в это время Совет мужчин страны собрался на суждение о случившемся. И стали вспоминать: с чего и когда хворь на них навалилась? Да и вспомнили, что всё это с того вечера приключилось, когда Молодец из страны дальней вареньем вишневым их всех угощал. И призадумались: как же им от хвори этой избавиться?

Позвали Молодца на Совет. А тот, оказывается, опыт имел и подсказал им: как только кто почувет что неладное, хворь, например, какую, — надо тут же, немедленно, дать имя этой хвори, а потом имя это вслух произнести, да так громко, чтобы вся Вселенная слышала; и вот тогда её, эту хворь, легко можно из себя вытащить. Так они и поступили. С помощью Молодца, знавшего имя этой хвори, все люди этой страны громко-громко его произнесли, после чего Глупость и выскочила из них и снова забралась в банку с остатками вишневого варенья.

Шло время. Остался Молодец среди того народа жить, а банку с вишневым вареньем, где Глупость затаилась, далеко в лесу запрятали. Но сказывают: подобрал кто-то эту банку, на стол где-то выставил, и снова Глупость среди люда объявилась. Присмотритесь-ка внимательно: не стоит ли на вашем столе та баночка с остатками варенья вишневого?

ШУТКА

*Червяк сидел и ел картошку,
вгрызаясь в клубень понемножку.
Не знал он, что у двух сестёр
о нём возник горячий спор.
Их очень сильно взволновала
судьба подземного нахала —
ведь он картошку не сажал,
а ел. Чужую. Вот нахал!
Да, он виновен без сомненья...
Но было и другое мнение.
А в чём оно заключено —
не всё ли это нам равно!
Червяк уж был забыт давно...
А спор кипел, не затихая,*

*и было тяжко всем от лая —
ведь в сёстрах пробудил собак
наш незадачливый червяк.
А он лежал и улыбался
и представленьем наслаждался.
А что же сёстры? погоди!
О сёстрах сказка впереди.
“Ты во мне разбудила
собаку неверия
под названием “высокомерие”.
“Мы не пустим её в свою сказку,
я тебе благодарна, сестра,
за подсказку”.
Мне с обидой сказала сестрица,*

*что вела себя я, как царица.
Что ж, и это могло случиться,
и когда-то была я царицей,
а теперь я учусь трудиться.
Не кори же царицу
за бывшие замашки,
лучше с ними расстаться
помоги ей, бедняжке.
“Помоги мне, сестрица,
и чудо случится —
станет кроткой царица
и такой же, как ты, мастерицей”.
Сестрица из Уджея*

“Вы думаете, что гордыня – это что-то такое слишком извращённое, что-то пузатое такое, грубое, где сразу видно: вот это гордыня. Да нет, у неё столько разных оттенков, где столько, казалось бы, красивых ваших действий, внешне джентльменских проявлений. Но за ними будет скрываться гордыня – всё та же пузатая и неопрятная” *Виссарион*

Как родилась Зависть

нимательно послушаем вот такую историю.

Она началась с рождения очередной прекрасной дочери у Феи Радости. Малышка подрастала, бегала по залам Большого дворца, расположенного в Волшебном лесу, забиралась во все закоулки его многочисленных помещений, находя везде радость от увиденного.

В один из дней, открыв маленькую потайную дверцу, она впервые ступила на Землю. Малышка-Фея весело бежала по зелёной траве, громко радуясь и смеясь. И хотя сердечком её не были ещё освоены законы этой Земли, но она не знала о том, и с удивлением рассматривала Мир, неведомый ей.

Так она бежала, пока ножки не привели её к границе Мира Волшебного и Мира людей. Внезапно малышка остановилась: незнакомый чудный запах привлёк её внимание. Оглянувшись вокруг, девочка увидела прекрасный цветок, который скромно рос среди незабудок лесных, колокольчиков и ромашек полевых. Это была роза. Цветок так очаровал девочку, что она долго не могла глаз отвести от него. И это любованье цветком вызвало в малышке какое-то незнакомое ей чувство, которому она не могла дать имени, но которому, как взбалмошной девчонке, вдруг захотелось владеть этим прекрасным цветком. Однако маленькая фея знала законы Бытия Волшебного леса и следовала им неукоснительно. Полюбовавшись розой, нарадовавшись ей вдоволь, малышка вернулась в свой Большой дворец, и жизнь её потекла, как обычно, радостно, по законам Волшебного леса.

Но то чувство, которое внезапно зародилось в девочке (желание взять и владеть), не могло возвратиться вместе с ней, ибо законы Волшебного леса препятствовали этому; поэтому этой “взбалмошной девчонке” ничего не оставалось, как остаться за границами Волшебного Мира, найти себе имя и поискать другое жильё в пределах другого Мира — Мира, где законы Гармонии Бытия “стараниями” людей были нарушены.

Имя она придумала себе сама сразу же, яркое, звучное — Зависть. Лихорадочно счастливая от своего рождения, никем не видимая, Зависть ворвалась в мир к людям. Все её действия, несмотря на бурную активность, были столь осторожны, что даже самый предвзятый человек не увидел бы подвоха.

Прежде чем где-либо поселиться, Зависть решила тщательно изучить людей. Рассмотрев их внимательно, она поняла, что все люди очень разные. Например, незаметно наблюдая за ними на выставке, куда они пришли полюбоваться новой вазой, которую Мастер создавал в течение нескольких лет, Зависть отметила, что люди отзывались о вазе по-разному: одни говорили, что ваза, бесспорно, прекрасна и достойна украсить жильё любого человека. Другие склонны были укорить Мастера, что за то время, что он затратил на сотворение, он мог бы сделать нечто более изящное. А третьи молчали, но за этим молчанием Зависть увидела, что хотя людям и нравится ваза, но они не только не хотят в этом признаться, но напротив, изо всех сил ищут то, к чему можно было бы придаться.

Старательно изучив людей, Зависть поняла, что ей хотелось бы владеть сразу всеми, то есть поселиться в каждом-каждом человеке. И она стала думать, как же ей это сделать.

Стремясь остаться незамеченной, она придумывала разные хитрости, чтобы добиться своего. Проще всего ей было, конечно, с теми людьми, которые открыто проявляли своё недовольство кем-либо или чем-либо. Для них Зависть придумала одно простое, коротенькое слово, которое постоянно нащёптывала им. О чём бы хорошим ни шла речь, зависть тихонечко шептала этим людям: “Нет”. Например, если в обществе говорили о каком-то человеке, что он добр или умён, то зависть тихо шептала: “Нет, он не настолько добр, как кажется”. Или: “Нет, он не столь умён, каким хочет представиться” и т.п. Так, без больших усилий, Зависть решительно овладевала этими людьми и спокойно начинала жить в них.

Несколько сложнее Зависти было с теми людьми, кто стремился скрыть от других свои чувства. Но и тут, прибегая к разным тайным ухищрениям, Зависть льстиво нащёптывала: “А ты всё равно лучше, ты краше, ты умнее”... и человек доверчиво раскрывался, и Зависть удовлетворённо располагалась в нём.

Труднее всего пришлось Зависти с теми людьми, кто искренне радовался успехам других. Долго ломала голову Зависть, придумывая, какую же изобрести хитрость, чтобы внедриться в доверие к ним, обмануть и устроиться в них жить. Долго думала она и, наконец, придумала. А придумала Зависть вот что: она стала сочинять новые слова, которые в Мире людей стали толковаться одним образом, а на самом деле, они означали совсем иное, потому что были заимствованы из Мира нарушения Гармонии. Самой большой находкой для Зависти оказалось слово “восХИЩЕНИЕ”. И когда люди вслух произносили это слово в отношении чего-либо увиденного, то в них непроизвольно вспыхивало желание владеть этим увиденным. Это было тонкое, глубоко запрятанное в подсознание желание, но оно порой невыносимо жгло душу этих людей. Или, например, слова: “заМЕЧательный”, “поРАЗИТ(Б)ельный” — они рождали глубоко в душе новые образы, связанные с разрушением, а люди, не зная этого, с удовольствием и часто произносили их вслух.

Все новые и новые слова рождала Зависть, стремясь овладеть душами всех людей. Но апофеозом явилось слово “восТОРГ”. Как только оно родилось, люди, не знавшие ранее страшной силы денег, стали вдруг торговать абсолютно всем, в том числе Любовью и Красотой. Так, постепенно, в Мире уже почти не осталось людей, чьи души не были бы охвачены Завистью. Зависть торжествовала победу.

Но вот однажды, почти основательно разрушив свой Мир, Человек обратил свой взор к Миру Волшебному. Прикоснувшись лишь мыслями к нему, он попадал в Волшебный лес, который его успокаивал, излечивал, наполняя созидающими словами, и Человеку так хорошо становилось в нём, что возвращаться в прежний Мир ему уже не хотелось.

А что же Зависть? А она продолжает жить в своём Мире — Мире нарушения Гармонии, среди людей, придумывая всё новые и новые хитрости. Так что будьте очень и очень внимательны!

От автора: будьте, пожалуйста, внимательны, так как сказка несёт отрицательный образ.

От редакции: одно из значений слова “восхищать” (по словарю В. Даля) — похищать, выхватывать, уносить, увести силою, одолевая, побеждать.

“Бог гордым противится, а смиренным даёт благодать” (Иаков, 4:6)

Обида

Обида всегда жила среди людей и никак не могла на них пожаловаться. Для неё всегда были открыты двери, она была накормлена, и ей предоставляли ночлег в любом доме.

Как-то поселилась она у одной пожилой дамы, и та так её полюбила, что не расставалась с ней даже ночью, укладывая её у своего сердца. Обида долго думала, что дама в доме живёт одна. Она никогда никуда не выходила, подолгу сидела в кресле у окна. Обедала она всегда в большой гостиной, где стоял только её прибор с едой.

Но однажды распахнулась боковая застеклённая дверь, и в неё вбежал малыш, лет пяти, очень нарядно одетый. Он вбежал не один. С ним прилетели его друзья — Смех и Радость.

Обычно Обида старалась спрятаться при приходе мальчика, чтобы её не заметили. Чаще всего она пряталась за портьеру, у окна, и оттуда наблюдала за всем, что происходило в комнате. Каждый раз её поражали одежды, которые украшали друзей мальчика. Что-то розово-золотое, воздушное и прекрасное обвивало их тела, а улыбки неизменно дополняли их наряд.

Однажды, когда пожилая дама отдыхала днём, Обида подошла к зеркалу и стала себя рассматривать. То, что она давно не помнила своего молодого лица, к этому она привыкла, но вот одежда! Люди никогда не одевали её красиво. Даже если она селилась у самых богатых, они почему-то не проявляли заботу о её туалетах. И ей вдруг так захотелось хоть раз, ну хоть на несколько минут надеть на себя одежды, сотканые из золотого и розового, из светящихся солнечных лучей, и посмотреть: как бы она выглядела? Было бы её лицо и тогда таким старым и некрасивым, или оно как-то изменилось бы?

Обида стояла перед зеркалом, рассматривая себя, когда неожиданно открылась боковая застеклённая дверь. Обиду застали врасплох, ей некуда было спрятаться. Она стояла у большого зеркала, в центре комнаты.

“Ах”, — вскрикнула она, увидя Смех и Радость в их искрящихся золотых одеждах. Смех и Радость стали обволакивать её своим теплом, и она стала быстро уменьшаться, словно таять. На ней заискрились, запереливались цветные одежды из всех цветов радуги, внутри появилась удивительная лёгкость. Как же замечательно теперь было всё вокруг!

Мальчик обнял её своими теплыми детскими ладошками и подвёл к пожилой даме. Та улыбнулась, глядя на малыша, и произнесла одну-единственную фразу: “Скажи маме и папе, малыш, что с сегодняшнего дня я буду обедать с вами вместе в большой гостиной”. От этих слов малыш звонко засмеялся, обнял даму и стал целовать её лицо. Обида, которая пока не знала своего нового имени, радовалась и смеялась вместе с ним.

В моей жизни сказка прячет лик свой от меня
“Приходи, — зову её, ласкою маня,
чтоб в тебе, как в зеркале, отразилась суть моя.
Сказка, милая моя, научи добру меня.
И водой своей живую окропи скорей любя.
Мудрость, скрытую тобою, ты яви передо мною,
Чтоб впитать её сполна”

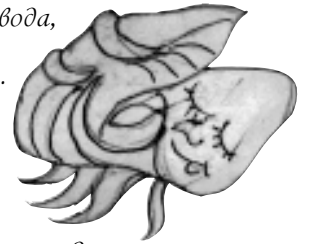
Надежда из Можарки

О медузках

Шуточная песенка

Я — красивая река, и чиста моя вода,
и широкие открытые берега
покрыты зеленью.

Вечерами ходит люд
у водички отдохнуть
и умыть лицо своё прохладюю.

Им я рада каждый раз воду чистую отдать,
снять усталость и наполнить душу влагою.

Вот теку-теку-теку, в воды чистые смотрю.
Вдруг, откуда-то со дна отдалось странной тяжестью.

Стала пристальней смотреть, а медуз — не перечесть.
Снят на дне, укывишись толстыми корягами.

Что мне делать? Как мне быть? Не могу людей поить
и ласкать в жару своей прохладюю.

Льются слёзы из меня. Помутнела вся вода,
пусты стали берега сиротливые.

Плачу день и плачу два, разболелась вся сама.
И откуда ж та беда приключилась?

Грустен день мой без людей. Только в это ты поверь:
стала думать о медузках и печалиться.

Потекла во мне тогда очень бурная вода и со дна
волной коряги с места сдвинула.

Приказала всем уйти: у нас разные пути,
уходите из меня вы по-хорошему.

Буду бить своей волной, не уйти вам на покой,
шевелить вас буду я и вытаскивать.

Как же плакали они и молили: “Не гони.
Нам же больно”. Говорили: “Потерпи”.

Рассмеялась я потом, растолкала
их с трудом
и на берег потихоньку вывела.

Стали сохнуть от жары и
просили вновь: “Пусти!”.
Но коряги я со дна
давно уж вынула.

Сказки на стр. 2-5 и песенка на стр.5
написаны Тамарушкой из Ягодного

“Не чист пред Господом всякий надменный сердцем... Милосердием и правдою очищается грех”

(Лк. 16:5,6)

О Женщине, поверившей в Мужчину

Жила — была на свете одна Женщина. Щедро её судьба одарила разными дарами. Была она умной и красивой, а ещё талант ей был дан — художницей она была необыкновенной. Умела она так на холсте Природу изобразить, что всё живым как бы становилось. Смотрели люди на её картины, и слышалось им и пение птиц, и шум леса, и даже запахи цветов. Вот такие чудеса она своим искусством делать умела.

Многие люди восхищались великим талантом этой Женщины. Толпы поклонников ежедневно говорили ей множество комплиментов. И так привыкла Женщина к своей Славе, что и жизни себе без этого не мыслила.

И постепенно, вместе со словами похвалы, стала проникать в её душу гордыня. Стала Женщина надменной и холодной, к людям невнимательной, потому что слепила её Слава всё больше и больше. А она и не замечала этого, потому как вместо настоящего придуманное видеть стала.

Но наступил однажды день, когда дневной свет совсем померк в её глазах, и никакие иллюзии уже не могли его заменить. Произошло неожиданное: Женщина ослепла. Страшный это был для неё день. Страшный, но и прекрасный, потому что в этот момент прозрело её Сердце. Поняла она, какой путь её к такому исходу привёл.

К счастью, Женщина была верующей, хотя Бога почти уж и забывать стала. А теперь, когда слава и почитание рассеялись вместе с многочисленными поклонниками, ничто уж не мешало ей вспомнить о Главном, ради чего жила она, что её на творчество великое, истинное вдохновляло.

Долгими днями и вечерами, а то и ночами, бывало, пересматривала она пройденный путь. Воспоминания о хорошем, о том, что для людей она сделала, о каких-то открытиях творческих придавали ей силы, чтобы не сломаться под грузом совершённых ошибок. В эти мгновения обращалась она к Богу с молитвой горячей, искренней, просила, чтобы осветил Он все ошибки её, чтобы могла она осознать их и покаяться. И настолько сильна была в ней вера, настолько искренне раскаяние, что нашла она в себе силы не тратить время на бесплодные мольбы об исцелении тела, а просила лишь помощи в очищении души.

Но не так просто было помочь ей в этом. Насколько заполнена была её душа гордынею, что свет небесный внутрь едва проникал. И тогда пришла ей подсказка от Отца: “Сможешь ты себя очистить и вновь смысл жизни обрести, если свой талант великий передашь тому, кто рядом с тобой находится, чтобы смог он, владея искусством волшебным, творчеством своим радовать людей и вдохновлять”.

Задумалась Женщина. И рада бы Волю Отца Небесного исполнить, но рядом-то никого как раз и не осталось. Все посочувствовали, попереживали, да и покинули её. Один парнишка, правда, не ушёл. В ряду её прежних блестящих поклонников он был почти незаметен: простоватый, тихий, и внешность не показательная, и сказать-то он ничего не умел. Только и того, что добрый был, да кому доброта в глаза бросается!

Взыграло в Женщине прежнее самолюбие: “Да чтоб я свой талант прекрасный этому замухрышке передавала. Не бывать этому!”

А время шло. И никто больше рядом не появлялся. Одиночество постепенно заполняло углы в доме, покрывало стены, заползало в закоулки души. А мальчишка простоватый всё приходил и приходил. Помогал ей, чем мог, по хозяйству, потом садился тихо в углу: может картинами её любовался, может думал о чём — про то не знала Женщина, так как не хотелось ей с ним разговаривать. Затем он уходил.

После его ухода Женщина долго молилась, и всё тот же ответ ей сердце повторяло: “Отдай, что имеешь, ближнему — и снова счастье вернётся к тебе”. И решила, наконец, она внять голосу Сердца. И вот однажды, когда снова пришёл к ней этот юноша, подозвала она его к мольберту, попросила взять кисточки в руки и начала рассказывать ему, как правильно наносить мазки на холст.

Шло время. Руки юноши день ото дня крепились, всё увереннее становились. А она сил не жалела: ходила с ним на природу, в лес, в поле; учила деревья слушать, язык их понимать; в пении птиц звучание мелодии прекрасной чувствовать; в шуме трав и листьев тайны природы отгадывать — и всё это превращать в переливы красок, в движения рук, на холсте чудно изображающих.

Прилежным учеником оказался юноша: рисовал много и терпеливо. И был он свободен в творчестве своём — никто не контролировал каждый его мазок. Ведь наставница его была слепая, она могла лишь отдавать своё мастерство и верить, что огонь её Сердца и волшебство рук зажгут Искру Божью в том, кому она их отдавала.

Чтобы у парня было больше времени для работы, Женщины начала потихоньку домашний труд на себя брать, что в былые времена ей и в голову не приходило. То нехитрую еду ему приготовит, то рубашку стирает. Постепенно она стала забывать о своём горе; жизнь становилась такой же наполненной, как и тогда, когда она сама картины писала.

И вот однажды наступил день, когда плоды их совместного труда суждено было показать людям — на выставке молодых художников, которая проходила в их городе.

Нелёгким испытанием это стало для Женщины. Проснулись в ней былые сомнения: “Боже мой, как я могла подумать, что из этого простоватого и неловкого паренька выйдет хоть какой-нибудь художник!” С такими мыслями Женщина шла по коридору выставочного зала под руку с одним из своих былых почитателей. Сердце её сжимала горечь.

И вдруг... О, что это? Откуда-то из противоположного конца зала доносится взволнованный гул голосов. Она подходит... ближе... ближе... Какие-то тёплые волны начинают ласкать её тело, зажигают её сердце. Ей начинает казаться, что руки её превращаются в крылья, и хочется ими взмахнуть и лететь-лететь... Боже мой, неужели так могут действовать картины? Чьи они? Господи, я хочу видеть их! Я хочу ВИДЕТЬ!!!

И она увидела. Её очищенная великим трудом самоотдачи душа разорвала тьму ночи светом своим, сорвала повязку с глаз и вернула ей зрение. И что же оказалось перед нею? Прекрасные картины! Не менее прекрасные, чем она когда-то рисовала. Смотрела она на них и слышала и пение птиц, и шум леса, и запахи цветов.

Но было в них ещё что-то... необъяснимое. Её творениями люди просто любовались, здесь же великое вдохновение охватывало их души, зажигало огнём Сердца, звало куда-то к светлому и прекрасному. Видимо, соединил художник в них умение рук своих с пламенем души — и родилось волшебство чудное.

Неудержимо захотелось Женщине выразить Художнику радость свою и благодарность. Оглянулась она в поисках Художника. Взгляд её упал на стоявшего рядом Мужчину. Но не узнала её глаза того, в кого она Душу свою вложила. Сердце узнало!

И встретились их руки, и соединились их сердца — её (не художницы великой, а Женщины нежной и благодарной) и его (не паренька неказистого, но Мужчины, духом своим светлого). И много ещё прекрасных, удивительных творений было создано ими.

Ирина Курило. Харьков

“Мудрая жена устроит дом свой, а глупая разрушит его своими руками”

(Притч. 14:1)

Уж что муженёк сделает, то и ладно!

Расскажу я тебе историю, которую сам слышал в детстве. Всякий раз, как она мне вспоминалась потом, она казалась мне всё лучше и лучше: с историями ведь бывает то же, что со многими людьми, и они становятся с годами всё лучше и лучше, а это куда как хорошо!

Тебе ведь случалось бывать за городом, где ютятся старые-престарые избышки с соломенными кровлями? Крыши у них поросли мхом и травой, на коньке непременно гнездо аиста, стены покосились, окошки низенькие, и открывается всего только одно. Хлебная печь выпячивает на улицу своё толстенное брюшко, а через изгородь перевешивается бузина. Если же где случится лужица воды, там уж, глядишь, утка и утята плавают, и корявая ива приткнулась. Ну и, конечно, возле избышки есть и цепная собака, что лает на всех и каждого.

Вот точь-в-точь такая-то избышка и стояла у нас за городом, а в ней жили старички — муж с женой. Как ни скромно было их хозяйство, а кое без чего они всё же могли бы и обойтись — была у них лошадь, кормившаяся травой, что росла у придорожной канавы. Муж ездил на лошадке в город, одалживал её соседям, ну, а уж известно, за услугу оплачивают услугой! Но всё-таки выгоднее было бы продать эту лошадь или поменять на что-нибудь более полезное. Да вот на что?

— Ну, уж тебе это лучше знать, муженёк! — сказала жена. — Нынче как раз ярмарка в городе, поезжай туда да и продай лошадку или поменяй с выгодой. Уж что ты сделаешь, то и ладно. Поезжай с Богом!

И она повязала ему на шею платок — это-то она всё-таки умела делать лучше мужа — завязала его двойным узлом; очень шикарно вышло! Потом пригласила шляпу старика ладонью и поцеловала его в губы. И вот поехал он в город на лошади, которую надо было или продать, или обменять. Уж он-то знал своё дело!

Едет старик и видит: идёт какой-то человек с коровой; вот уж была корова так корова! Чудесная! “Верно, и молоко даёт чудесное! — подумал наш крестьянин. — То-то была бы мена, если бы сменить на неё лошадь!”

— Эй ты, с коровой! — крикнул он. — Постой-ка! Видишь мою лошадь? Я думаю, она стоит дороже твоей коровы! Но так и быть: мне корова сподручнее. Поменяемся?

— Ладно! — ответил тот, и они поменялись.

Дело было слажено, и крестьянин мог повернуть восвояси — он ведь сделал то, что задумал; но раз уж он решил побывать на ярмарке, так и надо было, хотя бы для того только, чтоб поглядеть на неё. Вот и пошёл он с коровой дальше. Шагал он быстро, корова не отставала, и они скоро нагнали человека, который вёл овцу. Хорошая была овца: в теле, и шерсть густая.

“Вот бы мне такую! — подумал крестьянин. — Этой бы хватило травы на нашем краю канавы, а зимою её и в избышке можно держать. И то сказать, нам сподручнее держать овцу, чем корову. Поменяйся, что ли?”

Владелец овцы охотно согласился, мена состоялась, и крестьянин зашагал по дороге с овцой. Вдруг у придорожного плетня он увидел человека с большим гусем под мышкой.

— Ишь гусище-то у тебя какой! — сказал крестьянин. — У него и жира и пера вдоволь. А ведь любо было бы поглядеть, как он стоит на привязи у нашей лужи! Да и старухе моей было бы для кого собирать отбросы! Она часто говорит: “Ах, кабы у нас был гусь!” Ну вот, теперь есть случай добыть его... и она его получит! Хочешь поменяться? Дам тебе за гуся овцу да спасибо в придачу!

Тот не отказался, и они поменялись; крестьянин получил гуся. Тут старик увидел курицу сторожа, которую привязали к изгороди верёвочкой, чтобы она не испугалась народа и не

отбилась от дома. Короткохвостая была курица, подмигивала одним глазом и вообще на вид хоть куда. “Куд-кудах!” — бормотала она. Что хотела она этим сказать, не знаю, но крестьянин, слушая её, думал: “Лучше этой курицы я и не выдывал. Она красивее наседки священника; вот бы нам её! Курица везде сыщет себе зёрнышко, почитай что сама себя прокормит! Право, хорошо было бы сменять на неё гуся”.

— Хочешь поменяться? — спросил он у сторожа.

— Меняться? Отчего ж! — ответил тот.

И они поменялись. Сторож взял себе гуся, а крестьянин — курицу.

Немало-таки дел сделал он на пути в город, а жара стояла ужасная, и он сильно умаялся... А постоялый двор тут как тут. К нему он и направился, а оттуда выходил в эту минуту работник с большим, туго набитым мешком, и они встретились в дверях.

— Чего у тебя там? — спросил крестьянин.

— Гнилые яблоки! — ответил работник. — Несу полный мешок свиньям.

— Такую-то уйму?! Вот бы поглядела моя старуха! У нас в прошлом году уродилось на старой яблоне всего одно яблочко, так мы берегли его в сундуке, пока не сгнило. “Всё же это показывает, что в доме достаток”, — говорила старуха. Вот бы посмотрела она на такой достаток! Да, надо будет порадовать её!

— А что дадите за мешок? — спросил парень.

— Что дам? Да вот курицу! — И он отдал курицу, взяв мешок с яблоками и отправился домой...

— Здравствуй, старуха!

— Здравствуй, муженёк!

— Ну, я променял!

— Да уж ты своё дело знаешь! — сказала жена и обняла его.

— Я променял лошадь на корову!

— Слава богу, с молоком будем! — сказала жена. — Будем кушать и масло, и сыр. Вот мена так мена!

— Так-то так, да корову-то я сменял на овцу!

— И того лучше! — ответила жена. — Обо всём-то ты подумаешь! У нас и травы-то как раз на овцу! Будем теперь с овечьим молоком и сыром, да ещё шерстяные чулки и даже фуфайки будут. Корова-то этого не даст! Она линяет. Вот какой ты, право, умный!

— Я и овцу променял — на гуся!

— Как, неужто у нас в этом году будет к мартинову дню жареный гусь, муженёк?! Всё-то ты думаешь, чем бы порадовать меня! Вот ведь славно придумал! Гуся можно будет держать на привязи, чтобы он ещё больше разжирел к мартинову дню.

— Я и гуся променял — на курицу! — сказал муж.

— На курицу! Вот это мена! Курица нанесёт яиц, высидит, цыплят, заведём целый птичник! Вот чего мне давно хотелось!

— А курицу-то я променял на мешок гнилых яблок!

— Ну так дай же мне расцеловать тебя! — сказала жена. — Спасибо тебе, муженёк!.. Вот послушай, что я расскажу тебе. Ты уехал, а я и подумала: “Дай-ка приготовлю ему к вечеру что-нибудь повкуснее — яичницу с луком!” Яйца-то у меня были, а луку не было. Я и пойди к жене школьного учителя. Я знаю, лук у них есть, но она ведь скупая-прескупая! Я прошу одолжить мне луку, а она: “Одолжить! Ничего у нас в саду не растёт, даже гнилого яблока не отыщешь!” Ну, а я теперь могу одолжить ей хоть десяток, хоть целый мешок! — И она опять поцеловала его в губы.

Вот и вся история! Я слышал её в детстве, а теперь рассказал её тебе, и ты теперь знаешь: “Уж что муженёк сделает, то и ладно”.

Г. Х. Андерсен

(Сказка — с небольшими сокращениями)

“Где совершилось грехопадение, там прежде водворялась гордость; ибо провозвестник первого есть второе”

Иоанн Лествичник

Дети Рая

ла жизнь в стране с названием РАЙ. Играли дети. Птицы заливались. Тучнела от плодов земля. И воды чистой синевою сверкали. И очертанья небеса меняли, всё новые картины создавая, воображенья восхищая. И Благодатью наполнилось пространство...

Глаза великого Отца, следящие за Миром неустанно, заметили однажды, что дети подросли и в лени пребывают постоянно. Он их окликнул, возвестив: чтоб не погибнуть всем от лени, им надобно уйти на время. Уйти за грани РАЯ. Там новая Игра их ждёт: и тот, кто примет в ней участие, исполнив правила её, тот испытает в жизни Счастье: в конце Игры домой придёт, где каждого награда ждёт.

“Условия ж Игры весьма сложны, — сказал Отец. — Всем надобно пройти по Кругу Времени, всё ниже опускаясь в глубину, в слои миров давно ушедшей жизни. Где царствуют монеты. Где нет порою досыта хлеба. Где нет Любви. Где будешь всем чужой. Отвергнутый порою. Забытый вроде бы и Мною.

Но бдительными будьте, Чада! Надежду, словно руку протяну вам. И лучиком из сердца Моего согрею душу. Я дам Молитву вам, чтоб звали вы Меня на помощь ею, не впав в отчаянье. Но... не более! Лишь только б встать смогли, превозмогая боль, и вновь продолжить путь...

И тут настанет миг, когда дорога в никуда окажется внезапно дороною к себе. Когда однажды спросишь ты себя: а кто же я? зачем живу? куда спешу? что приобрёл я в мире этом? и что за образ неприглядный я вижу в зеркале?”

Итак, наказ Отца запомнив, дав слово не забыть и все условия Игры исполнить, Адам, держа за руку Еву и за собой ведя других, шагнул за грани РАЯ...

Не зная тяжести пути, приняв условия Игры, пошёл искать себя Адам, чтоб сиду духа обрести. Чтоб не сидеть в РАЮ, скучая. Ещё хотел он доказать, что он, Адам, не просто чадо, что он — Мужчина и Творец, как заповедал быть Отец.

Верша свой путь, забыв, что это есть Игра, Адам всё размышляя и вспоминал слова Отца: “Однажды вам pošлю Гонца. Он заигрававшихся поклочет. Он будет тихо звать и ждать. Он будет вам напоминать и долго-долго объяснять — чьи дети вы. В глаза Его взглянув, поймёте вы, что в них сияет Бог. Запомните: То — отражение Моё.

О, чада! Миг весьма опасный. Рискую многих потерять из вас Я. Ведь так не просто распознать Его, Посланца, Сына Моего! Но будет дан и внешний знак: в Его одеждах, жестах и словах. Но главное отличие — в том, что изольёт душа Его: Любовь, Терпенье и Тепло. Откликнитесь! Идите же за Ним! Он путь осветит и усталость снимет, ослабших на пути поднимет, и силы даст, и Словом укрепит.

Но путь с Ним будет не простым. Опасный зверь сопроваждать вас будет, и схватки с ним не избежать. Он будет льстить угодливо и лгать. Он будет хитростью сверкать, путать и совесть вашу усыплять; чтоб бдительность утратив, обессилив, вы пали сами, забыв всё то, что изучали.

И имя зверя вам известно, хоть трудно различить его (он цветом, формой слитен с вами), — Гордыню зовут его.

Но одолеть вы сможете его, когда на светлую поляночку Смиренья усядетесь, устав стяжать терпенье. Я стану чудеса творить на ней, Свет изливая всё сильней. Вас соберётся много там. И будет многословья гам. Всяк будет похваляться силою Гордыни личной, забыв культуру и приличья. Вот тут смотрите в оба. И слух, и сердца зренья растворив, не одолев себя, не одолеете вы их — занозы и шипы прекраснейших цветов.

(“Да что же это за цветы? Не я ли это или ты? Да это ж

братья, сёстры и друзья! И с ними я! И вырывает каждый то, что вырастил в себе давно”).

Не вздумай осудить друзей. Иль на поляну не пойти. Иль как-то это обойти. В смиреньи надобно сидеть, и всё стерпеть. Не вздрагивай. Не убегай. А смехом радостным на страхи отвечай. И низко-низко опустившись на колени, лишь голову клони с упорством и без лени. Благодарю! А надо — расстелись во прах, поняв, что в том твоё спасенье, что лёжа ниц пред Волею Моею не будет ведасть дух, что значит унижение. Чем ниже голову под скромностью согнёшь, тем ярче дух ты обретёшь. И обретёшь желанную победу — над ней, Гордынею своей! Для этого Я в путь тебя послал. И долго ждал. И сам скучал. Не раз Посланца отправляя.

Но помни, мой Адам, коль потеряешь Еву — твой дом подобен будет хлеву. Где красоты и счастья не найти, себя ж тебе не обрести. Подумай сам, каким же надо было стать, чтоб сквозь дремучие века часть сердца, самого себя, единство с Девой потерять? Как дал ты ей, единственной, отстать? Каким безрадостным цветком ты должен стать, чтоб бабочка к тебе не стала прилетать? Чтоб предпочла она летать одна, своею красотой себя же восхищая, чем за тобой летать, скучая?

Так помни, мой Адам: ты, возродив себя, сумев любовь разлить, сумеешь вновь и Еву возродить. Когда ж любовь, наполнив душу до краёв, из чашечки цветка полбётся, тогда и дело рук твоих нектаром творческим по миру разольётся. А бабочка, прельщённая красой цветка и ароматами его, всё будет с жаждой пить и пить... Сверкая гением своей души, исполнить Божие спешит. Тогда и бабочки лишиться ты не сможешь, и Славу Божью приумножишь, и силу Духа обретёшь.

Так вот, услышав сказанное и приняв, ты поспеши: свою природу измени — в походке, в жестах и в речах. Реакция на мир чтоб только благостной была. Чтоб жизнь твоя — как песня благодарности плыла. За всё. А если кто-то вдруг захочет погубить — ты только благодарным должен быть. И этим сможешь победить. И смерть, и, главное, — себя! И надо-то совсем не много: лишь мир в душе, тепло вокруг разлить, ни капли для себя у брата не просить. Сумев себя преобразить, тогда ты сможешь и в бессмертье шаг свой совершить, чтоб вечно жить.

Когда душа не поет, а поёт, она не только радость, но и свет особой чистоты в пространство льёт. Не обмани и не предай себя. Тогда к тебе придут друзья. И Я тогда среди вас всё чаще буду появляться. И к Свету стану направлять, единством братьев укреплять. Чтоб вы родными вновь сумели стать, и друг без друга не могли дышать. Чтоб вместе, весело трудясь, вы свет Гармонии бесцветной смогли бы с радостью облечь в величье красок многоцветья. Ведь вас Я создал для полёта, чтоб вы, в единстве силы обретая, друг друга радостью питая, сумели б мир создать, подобный Моему. Вот почему вам жизнь свою условиям Игры так важно посвятить — чтоб победить, чтоб Жизнь творить!

Спешит, Адам! Дерзай! Смелее начинай! Взяв руку Истины покрепче, Её уроки постигай, уверенней за Ней шагай, но будь внимателен: тропы не потеряй!”

Тут сказке и Игре закончиться пора. Ведь сказка с радостным концом была задумана Отцом!

Мне ж эту сказку Истина тихонько рассказала. Я до поры сама её не знала, и оттого, идя по жизни, много пострадала.

Не думала я сказки сочинять. Но так мне захотелось дух друзей поднять! Простите мне наивный мой порыв: писала, думая я больше о других.

Алиса из Иссиса